

УДК 75.033.2.94(47).043.246.3

ББК 85.14

DOI 10.18688/aa2515-3-24

И. А. Шалина

Развитие лицевых циклов Сказания о Богоматери Тихвинской в эпоху позднего Средневековья

Интригующей темой русского Средневековья является не только невероятное число богородичных изображений, умножение списков и типов почитаемых икон, но и появление лицевых циклов, посвященных чудесам от таких образов. Последние представляют собой своего рода аналог житийным памятникам, где вокруг фигуры святого иллюстрируется история его становления. Изображение Богородицы в какой-то момент стали воспринимать не только как самостоятельный моленный образ, но и как священный объект, имеющий историю своей чудотворной силы. Мысль эта не покажется банальной, если вспомнить, что у этого жанра, в отличие от житийных икон, не было предшествующей традиции; ибо ни в византийской, ни в балканской, ни даже в европейской культуре такой тип лицевых сказаний в раннее время не известен. Очевидно, что и сложение повестей о чудотворных иконах и формирование их иллюстраций начинают складываться лишь во второй половине XV в., после падения Византии и осознания Московским государством своего нового статуса, когда столица активизирует процесс сбиrания реликвий, а ее главным палладиумом и покровительницей становится Богородица.

В этом ряду Сказание о Тихвинском образе занимает особое место — это не только первое повествование о явленной иконе, возникшее не ранее конца XV в. [11], но и источник, инициировавший сложение нового типа литературного сочинения, а также соответствующей ему иконографии. Древнейший лицевой цикл, посвященный чудесам Тихвинской иконы, известен по раме с 16 клеймами из Благовещенского собора Московского Кремля, предназначеннной для раннего недошедшего до нас списка чудотворного образа. Это было изображение «в меру и подобие» чудотворного, относившееся ко времени его начального почитания Василием III и возведению по воле великого князя в 1507–1515 гг. каменного Успенского собора в Тихвине. Причины строительства в далеком новгородском погосте огромного храма, задуманного как реликварий для святыни, тогда еще не известной в Москве, неясны. Позволим себе предположить, что прославление иконы стало частью обширной вотивной программы, связанной с молением о чадородии, заботой о наследнике престола, которого семья ожидала с 1505 г. Надо полагать, первый список иконы появился в столичном царском храме именно в это время¹.

¹ Подробнее см.: [25].

Второй этап чествования святыни наступил в 1526 г., поскольку брак с Еленой Глинской также оставался бесплодным. Молением о «даровании плода чрева» было означеновано паломничество Василия III к чудотворной иконе Одигитрии [18, с. 542–543]. К этому времени относятся два кремлёвских памятника — увеличенная пядница с Троицей Ветхозаветной, архангелами, апостолами Петром и Павлом и святителями на полях из Успенского собора Московского Кремля² и мерная икона из местного ряда иконостаса церкви Ризоположения. Этот образ считают памятником начала XVI в.³, но судя по стилю, он написан не раньше второй четверти столетия. Теми же чертами и пропорциями обладает икона неизвестного происхождения из собрания Р. Темпла [26, cat. No. 14, p. 68–71].

Желание иметь в Кремле точные списки подтверждает уникальное известие о снятии по государеву указу прорисей и копий: «Да присыпал князь великий Василий Иванович ко Пречистой на Тихвину иконников своих... И они учали снимати образ Пречистые: класти ярь [з?] зелием на бумагу и бумагу прикладывати... и Пречистыя образа своего не дала сняти. Да присыпал князь великий Иван Васильевич иконников своих... И они снимали на нее смотря, по подобию. И она ся и дала сняти, и списали» (РГБ. № 459. Средина XVII в. Л. 521–521 об.).

Рама для древнего списка Благовещенского собора создавалась в период восстановительных работ после пожара Кремля 1547 г., то есть после двух паломнических поездок в Тихвин сначала Василия III в 1526 г., потом Ивана IV, молившегося там незадолго до венчания на царство в конце ноября 1546 г. [17, с. 151].

Отметим необычный порядок расположения клейм: повествование начинается со второго нижнего клейма на левой стороне; поднимается на верхнее поле и симметрично спускается вниз, заканчиваясь последней сценой справа. Эта особенность покажется тем более странной, если учесть, что она удерживается двумя другими иконами, иллюстрирующими то же Сказание. Одна из них была написана вскоре после благовещенской для собора в Дмитрове и не только повторяет расположение сюжетов, но и почти дословно копирует клейма рамы, включая удлиненную нижнюю композицию со сценой моления. Вторая, из тихвинского собора, относится уже к позднему XVII в. (НТМ). Ее более обширное повествование, основанное на иной — распространенной редакции, имеет ту же схему — П-образно обходя центральный образ и завершаясь внизу правого поля, с той лишь разницей, что мастер разместил нижнюю сцену моления в трех самостоятельных клеймах. Очевидно, что все эти памятники восходили к единому образцу, которым исследователи, на наш взгляд, ошибочно считают благовещенский памятник.

Лицевой цикл благовещенской рамы иллюстрирует одну из ранних редакций сказания («Б» по систематизации В. М. Кириллина), возникшей около 1515 г. [11, с. 40–43]. Изображения левого поля соответствуют первой части этого текста, где говорится о чудесном шествии иконы по воздуху в обонежских приделах: в Вымоченицах на реке Ояти, затем в двадцати поприщах на Кожеле на реке Паше и на Куковой горе, где в местах явлений строили деревянные храмы. Уникален прием объединения клейм лентой

² ГММК. Инв. Ж 2040/1–2. Размеры: 41,2 × 33,5 см [9, кат. № 8, с. 168–179].

³ ГММК. Инв. Ж 449/1–2. Размеры: 75,3 × 58,8 см [22, кат. № 36, с. 99–203].

реки, выявляющий топографическую и хронологическую логику событий. Истории появления иконы на Тихвине посвящены две верхние сцены, где, в соответствии с повествованием, поток изгибается, разделяя разновременные сюжеты — «молебное пение» перед явленной иконой и закладку церкви Успения, а также чудесное перенесение на другой берег трех венцов сруба, «посреди которых» тихвинцы обнаружили наутро спустившийся наконец на землю образ. Важно отметить, что сцена моления появляется в списках только этой второй редакции «Б», созданной между 1507 и 1526 г. Небесная природа — шествие образа по воздуху — подчеркнута пятикратно повторенным изображением парящей вверху и сопровождаемой ангелами иконы Одигитрии. Автор сказания постоянно акцентирует «долгое стояние иконы на воздухе», однако ни в одной из ранних редакций нет упоминаний о сопровождающих ее ангелах. Лишь автор «Повести на Сретение образа Богородицы Владимирской» второй половины XVI столетия, прямо указывал, что Тихвинская «на въздусе явися, святыми ангелами невидима носима» [2, с. 22]. Вероятно, мотив появился ранее его письменного оформления и, как это часто бывало в иконографии, был заимствован из распространенной к тому времени схемы икон Спаса Нерукотворного, — демонстрируемого ангелами платы с чудесным отпечатком Лика (деталь, имеющая, на наш взгляд, западное происхождение) [23].

Центр верхнего поля выделен сценой Успения, храмового праздника недавно возведенного на Тихвине по повелению Василия III собора — реликвария чудотворной иконы. Расположенное по вертикальной оси изображение объединено с нижней сценой моления перед самой святыней. Все остальные клейма посвящены истории пономаря Юрыша: слева его благословляют идти и «заповедати людем пост и молитву» и звать окрестных жителей на освящение возведенной церкви, справа — явление ему Богоматери в виде «жены в багряных ризах», сидящей на сосновой клади, и Николы — «светла мужа в святительских ризах». Замыкает этот ряд чудо с церковным мастером, поставившим, по воле ослушавшихся тихвинцев, на храме железный, а не деревянный крест, как заповедала Богородица. Он разбивается, упав с кровли, и оживает после покаяния. Размещение истории с Юрышем перед сценами с пожарами деревянных храмов соответствует только самой ранней редакции Сказания, созданной в конце XV в.

Близкие по композиции четыре клейма правого поля посвящены чудесному сохранению в пожарах тихвинских святынь — иконы и креста, сделанного из дерева, на котором сидела Богородица и хранившегося в Никольской часовне, устроенной на месте этого явления. Тем самым левое поле символически объединяет вода, а правое — огонь, субстанции, постоянно сопровождающие в сказании чудеса Тихвинского образа. Повествование завершается созданием в 1515 г. по воле Василия III собора и чудом с каменщиками, найденными живыми под обломками обрушившейся паперти. По одним спискам, пристройка возводилась одновременно с собором; по другим — в 1527 г., после паломничества Василия III, повелевшего по его «государеву чертежу» пристроить эту часть здания⁴. В пандан справа помещена сцена с болящими, которые ползут (или их несут) к чудотворной иконе. К помещенному в среднике ее списку они и протягивают руки, ища помощи и исцелений.

⁴ БАН. Собр. Археогр. ком. № 157. Л. 178. Эта редакция обнаружена и изучена: [5, с. 260–261].

Смысловым продолжением двух симметричных сцен чудес является вытянутая по ширине средника композиция с молением духовных и светских лиц, обращенных к образу Богоматери и составляющих с ним и изображением Успения одно целое. О содержании этой композиции писали многие исследователи [20, с. 62; 3; 15; 16]; резюмируя их выводы, отмечу, что по составу действующих лиц сцена далека от реального исторического события и на символическом уровне включает представителей двух поколений правящей династии, почитателей икон и устроителей места ее хранения.

Поскольку рама заказывалась после 1547 г. для домового государева храма, она должна была напоминать и о создании Успенского собора, и о посещении Тихвина Василием III, и о паломничестве за несколько дней до венчания на царство вымолненного там наследника — Ивана IV. Оба события подробно описаны в летописях, а позднее вошли в новые редакции Сказания, но, учитывая раннее создание рамы в близкое к этому году время, композиция явно разрабатывалась специально и еще без опоры на какой-либо текст.

Сцена моления была важнейшей частью заказа, и именно она стала причиной нарушения традиционной последовательности клейм. Ради того, чтобы сохранить логику повествования, возникла необходимость в П-образном размещении сюжетов. В близкое время и явно в княжеской среде был создан точный список этого памятника для Успенского собора в Дмитрове, видимо, ставший одним из «оправдательных вкладов» Ивана Грозного 1550-х гг. на помин души своего дяди Юрия Ивановича, владевшего этим уделом до низложения его Еленой Глинской в 1533 г. [13, с. 163–169]. Датировка памятника 1560-ми гг., на наш взгляд, не имеет веских оснований [8, кат. № 90, с. 237–243; 10, кат. № 86, с. 474–477].

Какая икона послужила образцом для кремлевской рамы и иконы из Дмитрова? Кажется очевидным, что впервые такой образ должен был появиться не в Москве, а в самом тихвинском соборе. В какой-то степени на этот вопрос отвечают деяния церковного собора 1551 г., где Иван Грозный задает вопрос о допустимости изображения живых людей, ссылаясь на «пречистыя Богородица образ в деянии, иже есть на Тихвине» [6, с. 306]. Обычно его без оснований связывают с благовещенской иконой.

При этом сама чудотворная икона, висевшая на правом столпе тихвинского Успенского собора, согласно документам, лишь в 1664 — начале 1665 г. была обрамлена рамой со сценами ее чудес и явлений, написанными местным изографом Родионом Сергиевым (не сохранилась)⁵, и, соответственно, не могла быть протографом московских памятников. Еще один образ был создан тем же мастером в 1678 г. взамен древней и ветхой «Одигитрии с деянием» в местном ряду тихвинского иконостаса⁶. Наименование той в старых описях «местная Одигитрия в деянии»⁷ вроде бы подразумевает традиционныйprotoевангельский цикл на полях, известный по произведениям раннего XVI в. Одно из них с 20 клеймами, поступившее в Новгородский музей из пригородного Мало-Кириллова монастыря (НГМ) [7, кат. № 62, с. 392–402], является не только первой репликой «в меру и подобие» Тихвинского образа, но и древнейшей русской иконой с подробным

⁵ Архив СПБИИ РАН. Ф. 132. Оп. 2. Д. 206. Л. 105; Ф. 132. Оп. 2. Д. 213. Л. 17.

⁶ Архив СПБИИ РАН. Ф. 132. Оп. 2. Д. 352. Л. 241. Об иконе см.: [13].

⁷ Архив СПБИИ РАН. Ф. 132. Оп. 2. Д. 71. 1640 г. Л. 28–28 об.

циклом жития Богоматери. На наш взгляд, она была первым храмовым образом либо последнего деревянного собора, согласно Сказанию, срубленного в 1500 г. и вскоре сгоревшего, но скорее, уже заменившего его каменного храма 1515 г. Наше предположение подкрепляется описями Мало-Кириллова монастыря XVIII в., где подобная икона не упоминается. К тому же Тихвинский образ в начале XVI в. все еще оставался местнотипным, и вряд ли можно допустить его широкое распространение в Новгороде в эту эпоху. В пользу раннего времени создания памятника говорит и окружающий средникprotoевангельский цикл, а не сцены Сказания, тогда еще только оформлявшегося как литературный памятник. Скорее всего, образ оказался в Кирилловом монастыре в позднее время, когда уже давно не востребованная ветхая храмовая икона тихвинского Успенского собора, еще в 1678 г. замененная образом Родиона Сергиева, была передана в эту небольшую и обедневшую обитель.

Между тем, аналогичным термином — «в деянии» — писцы описывали икону Родиона Сергиева⁸, в 26 клеймах которой подробно передаётся история этой святыни, из чего следует, что сцены на полях другой «старой» «Одигитрии» также могли иллюстрировать Сказание, и, более чем вероятно, они были той же иконографии, что и стилические памятники из Кремля и Дмитрова. Думается, эта не дошедшая до нас икона была создана в Тихвине после посещения погоста Василием III в 1526 г. Ее копированием автором Благовещенской иконы объясняется двойственный характер сцены моления, где впереди юного Иоанна IV представлен инон, имеющий сходство с надгробным портретом Василия, в схиме Варлаама, из Архангельского собора [4]. Мастер сохранил имевшийся на утраченной иконе образ Василия III, но поскольку писал после его смерти и по заказу Ивана IV, придал Василию не княжеский облик, а принятый им перед смертью иноческий.

Еще одно обстоятельство заставляет думать об ориентации благовещенской иконы на ранний образец, причем выполненный не московским мастером, как принято считать: художественные особенности памятника обнаруживают черты новгородского искусства раннего макарьевского времени. Бирюзовый фон напоминает многие тихвинские иконы, уцелевшие от ранних иконостасов, явно создававшихся выходцами из этого центра [1, кат. № 647–648; 14, табл. 233–236, кат. № 233–236, с. 332–333]. Об их работе говорят узнаваемые формы архитектурного фона, характерные горки, рисунок фелоней и драпировки одежд с плотными пробелами светов, но главное, характерное личное письмо, далекое от манеры столичных изографов. Следовательно, икона ориентировалась на ранний новгородский образец и, скорее всего, была написана одним из новгородцев, работавших над украшением кремлевских интерьеров после пожара 1547 г.

Еще один памятник подтверждает наше предположение о существовании во второй четверти столетия особой новгородской иконографии Тихвинских образов. Речь идет о крупной иконе Богоматери Тихвинской с protoевангельским циклом из собрания К. В. Воронина [19]. Судя по всему, замысел ее был связан с рождением и возведением на великое княжение будущего царя Ивана, появление на свет которого вымаливал Василий III у чудотворного образа. Поскольку поездка пришлась на «зимнего Николу»,

⁸ Там же. Д. 404. Л. 12–13.

наследник считал его своим покровителем, что и отражает средник, сочетающий его образ с небесным патроном Иоанном Предтечей. Собор святых на нижнем поле с выделенным в верхнем регистре царским чином заставляет вспомнить сцены моления Тихвинской иконе и не исключает влияние такого новгородского извода на формирования обсуждаемой композиции.

Существование в тихвинском соборе до конца XVII в. новгородского по стилю памятника, написанного после 1526 г., нашло отражение не только в его копиях в Благовещенском и Дмитровском соборах, но и в созданной в замену ему храмовой иконе Родиона Сергиева, отличающейся невероятным архаизмом стиля и иконографии. Все совпадающие с Благовещенской иконой сюжеты настолько близки, что не остается сомнений в существовании единого образца, лежащего в основе трех памятников. При этом очевидно, что Родион Сергиев копировал свою тихвинскую, а не икону московского придворного собора, и скорее всего, именно ту, что заменял для иконостаса. В рисунке и особенностях письма вновь явственно проступают черты новгородской живописи Макарьевского времени, подтверждая ориентацию мастера на образ, написанный после 1526 г.

Повторил он и нижнюю композицию с молением народа, причем надпись над ней снова вступает в противоречие с изображением: сообщается о представительстве Василия III и архиепископа Макария в 1526 г., в то время как изображен юный царь Иван Васильевич, которого, как и на Благовещенской раме, сопровождает инок Варлаам, но их фигуры поменялись местами. Слева представлены митрополит Макарий и безымянный новгородский владыка. Объяснить эти несуразности можно лишь образцом, где действительно помещалось моление Василия III. При копировании ее и для Благовещенского собора, когда царем уже был Иван Грозный, и тем более для Тихвина в конце XVII в., пришлось объединить оба события. Родион Сергиев расширяет лицо молящихся, однако отдельные фигуры, и прежде всего, жены в белых платках с ребенком на шее одной из них, в точности повторяют рисунок Благовещенского памятника. Полностью повторена, но в зеркальном варианте, сцена с болящими, а в пандан ей появилась еще одна композиция с расслабленными, которая, судя по рисунку, более чем вероятно, была на ранней иконе, созданной новгородцем для Успенского собора в Тихвине.

Сохраняется и уникальная особенность композиционного построения предшествующих памятников: как и в них, рассказ начинается с левого нижнего клейма и поднимается вверх, охватывая средник по периметру. А все первые сцены, повествующие о явлениях иконы Одигитрии «в новгородских пределах», связанны «протекающей» вдоль луэги рекой Тихвинкой, изображение которой выглядит ужеrudиментарным.

Казалось бы, первая икона с чудесами от иконы Богоматери Тихвинской должна была наследовать миниатюрам лицевых рукописей со Сказанием. Однако ранняя их история нам не известна, а те миниатюры, которые можно связывать с XVI в., прежде всего, шесть изображений Лицевого летописного свода 1570–1580-х гг. в составе Древнего летописца («Царственного» или «Остремановского II») (БАН. 31.7.30. Л. 186–188 об.) [12, с. 117–122], демонстрируют совершенно иную композиционную схему: ни одно из них не совпадает с клеймами рассмотренных памятников.

Поэтому история сложения циклов чудес от Тихвинской иконы представляется нам в следующем виде. Первые списки самой чудотворной иконы появились в Москве в начале XVI в. и были связаны с начальным этапом почитания этой святыни Василием III, молившим ее о наследнике престола. Этим объясняется возведение им в далеком Тихвинском погосте огромного каменного собора, повторявшего кремлевские храмы и предназначенного для хранения образа. Второй этап связан с теми же ожиданиями сына: по причине бесплодия Елены Глинской Василий III предпринимает паломничество «на Тихвину» в 1526 г. После этого события в Успенском соборе появляется первая икона с клеймами чудес, написанная новгородским мастером на основе недавно созданного текста Сказания. Видимо, тогда же аналогичный памятник был сделан для царского Благовещенского храма, но погиб в пожаре 1547 г. Во время восстановительных работ силами новгородцев была написана новая рама к древнему и, видимо, уцелевшему тогда списку. Рама копировала икону Успенского собора в Тихвине. Но поскольку незадолго до этого года к святыне совершил паломничество Иван Васильевич, мастер включил и его образ в сцену моления. К 1678 г. древняя икона Тихвинского монастыря обветшала и уже не соответствовала монументальному комплексу местного ряда иконостаса Успенского собора, почему и была заменена Родионом Сергеевым новой, повторявшей размерами другие образы этого ансамбля. В нем удержаны новгородская иконография и даже отчасти стиль эпохи архиепископа Макария, но поля дополнены новыми сюжетами из Книги о чудесах образа Одигитрии, составленной в монастыре в 1658 г., автором и иллюстратором которой был сам Родион Сергиев. Вместе с тем, все известные нам памятники с лицевыми циклами Сказания последней трети XVI — XVII в. [24] перестают быть зависимыми от древнего новгородского образца, получают широкое распространение, с чем и связано появление совершенно иных по замыслу и стилю икон.

Литература

1. Антонова В.И., Миёва Н.Е. Государственная Третьяковская галерея. Каталог древнерусской живописи XI — начала XVIII вв. Опыт историко-художественной классификации. В 2 т. Т.2. — М.: Искусство, 1963. — 570 с.
2. Богоматерь Владимирская: К 600-летию Сретения иконы Богоматери Владимирской в Москве 26 августа (8 сентября) 1395 года: Сборник материалов. Каталог выставки. — М.: Авангард, 1995. — 192 с.
3. Горматюк А. А. Иконография княжеских и царских портретов в клеймах иконы Тихвинской Богоматери // Чудотворная икона Тихвинской Богоматери: иконография — история — почитание. Тезисы докладов международной научной конференции. Санкт-Петербург — Тихвин. 24–27 октября 2001 года. — СПб., 2001. — С. 65–69.
4. Горматюк А. А. Царский лик. Надгробная икона Великого князя Василия III. — М.: ВХНРЦ, 2003. — 120 с.
5. Дилигул Е. С. Рукописная традиция Сказания о Тихвинской иконе Богоматери в XVII в. // Петербургский исторический журнал: исследования по российской и всеобщей истории. — 2018. — № 3 (19). — С. 259–266.
6. Емченко Е. Б. Столгав: Исследование и текст / Рос. акад. наук. Ин-т рос. истории. — М.: Индрик, 2000. — 495 с. (Памятники древней письменности).
7. Иконы Великого Новгорода XI– начала XVI века. — М.: Северный паломник, 2008. — 550 с.
8. Иконы Москвы XIV–XVI вв. Каталог собрания ЦМиАР. Вып. II / Ред.-сост. Л. М. Евсеева, В. М. Сорокатый; отв. ред. Г. В. Попов. — М.: Индрик, 2007. — 512 с.: ил.

9. Иконы Успенского собора Московского Кремля. Вторая половина XV — XVI век. — М.: Изд. Московского Кремля, 2016. — 328 с.
10. Иконы XIII—XVI веков в собрании Музея имени Андрея Рублева / Сост. Л. М. Евсеева. — М.: Северный паломник, 2007. — 619 с.
11. Кириллин В. М. Сказание о Тихвинской Богоматери «Одигитрии». Литературная история памятника до XVII в., его содержательная специфика и связи с культурой. Тексты. — М.: Языки славянских культур, 2007. — 312 с.
12. Лицевой летописный свод царя Ивана Грозного. Русь (1389—1400 гг. от В.Х.). Кн. 10. — М.: Принтхаус, 2022. — 690 с.
13. Мильчик М. И., Шалина И. А. Икона «Богоматерь Тихвинская с 26-ю клеймами чудес» и ее автор Родион Сергиев // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1994. — М.: Наука. РАН, 1996. — С. 181—196.
14. Новгородская икона XII—XVII веков / Авт. В. К. Лаурина, В. А. Пущакарев. Вступ. статья Д. С. Лихачева. — Л.: Аврора, 1980. — 346 с.
15. Преображенский А. С. «Цари и князи и святители живы суще». Об иконографическом статусе сцены моления на древнейших иконах Богоматери Тихвинской с деяниями // Чудотворная икона Тихвинской Богоматери: иконография — история — почитание. Тезисы докладов международной научной конференции. Санкт-Петербург — Тихвин. 24—27 октября 2001 года. — СПб., 2001. — С. 69—74.
16. Преображенский А. С. Тема коллективной молитвы в росписях собора Рождества Богородицы Ферапонтова монастыря // Древнерусское и поствизантийское искусство. Вторая половина XV — начало XVI века. К 500-летию росписи собора Рождества Богородицы Ферапонтова монастыря / Отв. ред. Л. И. Либшиц. — М.: Северный паломник, 2005. — С. 229—245.
17. ПСРЛ. Т. 3. Новгородские летописи. — СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1841. — 326 с.
18. ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 3. Новгородская IV летопись. — Л.: Академия наук СССР, 1929. 686 с.
19. Саенкова Е. М. Икона «Богоматерь Тихвинская сprotoевангельским циклом и святыми» второй четверти XVI века из собрания Константина Воронина // Собрание Константина Воронина. Иконы. Художественный металл. XII—XVI века. — М.: ЦМиАР, 2017. — С. 54—66.
20. Сорокатый В. М. Икона «Богоматерь Тихвинская» в истории России XVI в. // Чудотворная икона Тихвинской Богоматери: иконография — история — почитание. Тезисы докладов международной научной конференции. Санкт-Петербург — Тихвин. 24—27 октября 2001 года. — СПб., 2001. — С. 60—62.
21. Тихомиров М. Н. Российское государство XV—XVII веков. — М.: Наука, 1973. — 422 с.
22. Хранители времени. Реставрация в Музеях Московского Кремля. — М.: Московский Кремль, 2019. — 504 с.
23. Шалина И. А. Икона «Спас Нерукотворный» из Смоленского музея и ее место в псковском искусстве XV века // Древнерусское искусство. Византийский мир: региональные традиции в художественной культуре и проблемы их изучения. К юбилею Э. С. Смирновой / Ред.-сост. М. А. Орлова. — М.: Государственный институт искусствознания, 2017. — С. 141—156.
24. Шалина И. А. Богоматерь Одигитрия Тихвинская, со сценами сказания в 12 клеймах / вступительная статья к каталогу // Спустившаяся с неба. Икона Богоматери Тихвинской из частного собрания. Выставка 3—23 января 2022 / Ред. М. А. Маханько / Центральный музей древнерусского искусства имени Андрея Рублева. — М., 2022. — 94 с.
25. Шалина И. А. Чудотворная икона Богоматери Тихвинской: датировка, атрибуция, иконография, ранняя история почитания // University Journal of Art & Design. Журнал ВШЭ по искусству и дизайну. — 2024. — № 4 (4). — С. 134—165.
26. Temple R. Masterpieces of Early Christian Art and Icons. — London: The Temple Gallery. 2005. — 88 с.

Название статьи. Развитие лицевых циклов Сказания о Богоматери Тихвинской в эпоху позднего Средневековья

Сведения об авторе. Шалина, Ирина Александровна — кандидат искусствоведения, ведущий научный сотрудник. Государственный Русский музей. Инженерная ул., 4, Санкт-Петербург, Российская Федерация, 191186; shalina_irina@mail.ru; SPIN-код: 2847-8544; ORCID: 0000-0001-8187-6677; Scopus ID: 57216262165

Аннотация. История сложения циклов чудес от Тихвинской иконы, основанных на ранних редакциях Сказания, связана с почитанием святыни Василием III, молившем ее о наследнике престола. Ви-

димо, впервые такие памятники появились в московском Благовещенском соборе и в Успенском храме Тихвина после паломничества туда в 1526 г. великого князя, запечатленного вместе с архиепископом Макарием в сцене моления. Они явно были написаны новгородским мастером на основе недавно созданного текста. Во время восстановительных работ после пожара Кремля 1547 г. силами новгородцев была написана новая рама к древнему уцелевшему тогда списку, копировавшая икону в Тихвине. Поскольку накануне этого года к святыне совершил паломничество Иван IV, его образ также был включен в сцену моления. К 1678 г. древняя икона Тихвинского монастыря обветшала и уже не соответствовала комплексу местного ряда соборного иконостаса, почему и была заменена Родионом Сергеевым новой, повторявшей размерами другие образы этого ансамбля. В ней удержана новгородская иконография и отчасти стиль эпохи архиепископа Макария, но поля дополнены новыми сюжетами из Книги о чудесах иконы Одигитрии, составленной в монастыре в 1658 г., автором и иллюстратором которой был сам Родион Сергиев. Лежащий в основе этих памятников прототип объясняет необычные композиционные особенности их замысла.

Ключевые слова: икона, иконография, иконописцы, древнерусская живопись, Богоматерь Тихвинская, лицевые циклы, сказание об иконе, Тихвин, Москва, Новгород, 16 век, художественный стиль

Title. Development of the Pictorial Cycles of the Tale of the Mother of God of Tikhvin in the late Middle Ages

Author. Shalina, Irina A. — Ph. D., senior researcher. The State Russian Museum, Inzhenernaya ul., 4, 191186 St. Petersburg, Russian Federation; shalina_irina@mail.ru; SPIN-code: 2847-8544; ORCID: 0000-0001-8187-6677; Scopus ID: 57216262165

Abstract. The history of the creation of the cycles of miracles from the Theotokos of Tikhvin icon, based on early editions of the Legend, is connected with the special veneration of the icon by Vasily III, who prayed before it for an heir to the throne. Apparently, such monuments first appeared in the Annunciation Church in Moscow and the Assumption Church in Tikhvin after the Grand Prince's pilgrimage to this site in 1526, depicted alongside with Archbishop Makarius in a scene of prayer. They were clearly painted by a Novgorod master based on a recently created text. During the restoration work after the Kremlin fire in 1547, Novgorodians painted a new frame for the existing copy that had survived at that time, copying it from the icon in Tikhvin. Since Ivan IV had made a pilgrimage to the shrine a previous year, his image was also included in the scene of prayer. By 1678, the old icon of the Tikhvin monastery became dilapidated and no longer corresponded to the 'local' tier of the cathedral iconostasis. For this reason it was replaced by Rodion Sergeyev with a new one, which repeated the dimensions of the other images of this ensemble. It retained Novgorod iconography and partly the style of the era of Archbishop Makarius. However, the fields were supplemented with new scenes from the Book of Miracles of the Hodegetria Icon, compiled in the monastery in 1658, the author and illustrator of which was Rodion Sergeyev himself. The prototype underlying these monuments explains the unusual compositional features of their design.

Keywords: icon, icon painters, Old Russian painting, the Mother of God of Tikhvin, Legend about the icon, pictorial cycles, Tikhvin, Moscow, Novgorod, 16th century, monasteries, artistic style, iconography

References

- Antonova V. I.; Mneva N. E. *Gosudarstvennaya Tretiakovskaya galereia. Katalog drevnerusskoi zhivopisi. Opyt istoriko-khudozhestvennoi klassifikatsii* (State Tretyakov Gallery. Catalogue of the Old Russian Painting. Experience of Historical and Artistic Classification), vol. 2. Moscow, Iskusstvo Publ., 1963. 570 p. (in Russian).
- Bogomater' Vladimirskaia: K 600-letiiu Sreteniya ikony Bogomateri Vladimirskaia v Moskve 26 avgusta (8 sentiabria) 1395 goda: (The Mother of God of Vladimir: On the 600th Anniversary of the Meeting of the Icon of The Mother of God of Vladimir in Moscow on August 26 (September 8), 1395. Collection of Materials. Exhibition Catalogue).* Moscow, Avangard Publ., 1995. 192 p. (in Russian).
- Diligul E. S. The handwritten tradition of the Tale of the Tikhvin Icon of the Mother of God in the 17th century. *Peterburgskii istoricheskii zhurnal: issledovaniia po rossiiskoi i vseobshchei istorii*, no. 3 (19), 2018, pp. 259–266 (in Russian).
- Emchenko E. B. *Stoglav: Issledovaniia i tekst (Stoglav: Research and Text)*. Moscow, Indrik Publ., 2000. 495 p. (Pamiatniki drevnei pis'mennosti). (in Russian).

Evseeva L. M.; Sorokaty V. (eds). *Ikony Moskvy XIV–XVI vv. Katalog sobranii TsMiAR (Icons of Moscow of the 14th–16th centuries. Catalogue of the collection of the Andrei Rublev Museum)*, vol. 2. Moscow, Indrik Publ., 2007. 512 p. (in Russian).

Evseeva L. M. (ed.). *Ikony XIII–XVI vekov v sobranii Muzeia imeni Andreia Rubleva (Icons of the 13th–16th centuries in the collection of the Andrei Rublev Museum)*. Moscow, Severnyi Palomnik Publ., 2007. 619 p. (in Russian).

Gormatiuk A. A. Iconography of princely and royal portraits in the scenes of the icon of the Tikhvin Mother of God. *Chudotvornaia ikona Tikhvinskoi Bogomateri: ikonografija — istorija — pochitanie. Tezisy dokladov mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (The miraculous icon of the Mother of God of Tikhvin: iconography — history — veneration. Abstracts of reports of the international scientific conference. Sankt-Petersburg — Tikhvin. 24–27 oktiabria 2001 goda)*. St. Petersburg, 2001, pp. 65–69 (in Russian).

Gormatiuk A. A. *Tsarskii lik. Nadgrobnaia ikona Velikogo kniazia Vasilii III (The Tsar's Face. Funeral icon of Grand Prince Vasily III)*. Moscow, All-Union Art and Scientific Restoration Center named after Academician I. Grabar Publ., 2003. 120 p. (in Russian).

Ikony Velikogo Novgoroda XI–nachala XVI veka (Icons of Greet Novgorod from the 11th to early 16th centuries). Moscow, Severnyi Palomnik Publ., 2008. 550 p. (in Russian).

Ikony Uspenskogo sobora Moskovskogo Kremlia. Vtoraia polovina XV–XVI veka (Icons of the Assumption Cathedral of the Moscow Kremlin. Second half of the 15th–16th centuries). Moscow, Moscow Kremlin Publ., 2016. 328 p. (in Russian).

Khraniteli vremeni. Restavratsiia v Muzeiakh Moskovskogo Kremlia (Guardians of Time. Restoration in the Moscow Kremlin Museums). Moscow, Moscow Kremlin Publ., 2019. 504 p. (in Russian).

Kirillin V. *Skazanie o Tikhvinskoi Bogomateri Odigitrii. Literaturnaia istorija pamiatnika do XVII v., ego soderzhatel'naia spetsifika i sviazi s kul'turoi. Teksty (The Legend of the Tikhvin Icon of the Mother of God "Hodegetria". Literary history of the monument until the 17th century. Its content specificity in connection with the culture of the era. Texts)*. Moscow, Languages of Slavic cultures Publ., 2007. 312 p. (in Russian).

Laurina V. K.; Pushkarev V. A.; Likhachev D. S. (eds). *Novgorodskaiia ikona XII–XVII vekov (Novgorod Icons of the 12th–17th Centuries)*. Leningrad, Avrora Publ., 1980. 346 p. (in Russian).

Litsevoi letopisnyi svod tsaria Ivana Groznogo. Rus' (1389–1400 gg. ot V. Kh.) (The Illustrated Chronicle of Tsar Ivan the Terrible. Rus'), vol. 10. Moscow, Printhouse Publ., 2022. 690 p. (in Russian).

Milchik M.; Shalina I. Icon "Mother of God of Tikhvin" with 24 marks of miracles and its author Rodion Sergiev. *Pamiatniki kul'tury. Novye otkrytiia. Ezhegodnik 1994 (Monuments of Culture. New discoveries. Yearbook. 1994)*. Moscow, Nauka Publ., pp. 181–196 (in Russian).

Preobrazhenskii A. S. "The kings and princes and saints are alive." On the iconographic status of the prayer scene on the oldest icons of the Tikhvin Mother of God with deeds. *Chudotvornaia ikona Tikhvinskoi Bogomateri: ikonografija — istorija — pochitanie. Tezisy dokladov mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (The miraculous icon of the Mother of God of Tikhvin: iconography — history — veneration. Abstracts of reports of the international scientific conference. Sankt-Petersburg — Tikhvin. 24–27 oktiabria 2001 goda)*. St. Petersburg, 2001, pp. 69–74 (in Russian).

Preobrazhenskii A. S. The theme of collective prayer in the paintings of the Cathedral of the Nativity of the Virgin Mary of the Ferapontov Monastery. *Drevnerusskoe i postvizantiiskoe iskusstvo (Old Russian and post-Byzantine art)*. Moscow, Severnyi Palomnik Publ., 2005, pp. 229–245 (in Russian).

PSRL (Complete Collection of Russian Chronicles), vol. 3. *Novgorod Chronicles*. St. Petersburg, 1841. 326 p. (in Russian).

PSRL (Complete Collection of Russian Chronicles), vol. 4, part 1, iss. 3. *Novgorod IV Chronicle*. Leningrad, Academy of Sciences SSSR Publ., 1929. 686 p. (in Russian).

Saenkova E. M. "The Mother of God of Tikhvin with the proto-Gospel cycle and saints" of the second quarter of the 16th century from the collection of Konstantin Voronin. *Sobranie Konstantina Voronina. Ikony, Khudozhestvennyi metall. XIII–XVI veka (Collection of Konstantin Voronin. Icons. Artistic metal. 13th–16th centuries)*. Moscow, Tsentral'nyi muzei drevnerusskogo iskusstva imeni Andreia Rubleva Publ., 2017, pp. 54–66 (in Russian).

Shalina I. A. The Icon of the Savior Not Made by Hands from the Smolensk Museum and its Place in the Pskov Art of the 15th century. Orlova M. A. (ed.). *Drevnerusskoe iskusstvo. Vizantiiskii mir: regional'nye traditsii v khudozhestvennoi kul'ture i problemy ikh izucheniiia. K iubileiu E. S. Smirnova (Old Russian Art. The Byzantine World: Regional Traditions in Artistic Culture and Problems of Their Study. On the Anniversary of E. S. Smirnova)*. Moscow, Severnyi Palomnik Publ., 2017, pp. 141–156 (in Russian).

Shalina I. A. The Mother of Hodegetria of Tikhvin, with scenes of the story in 12 frames / introductory article to the catalogue. *Spustivshaiasia s neba. Ikona Bogomateri Tikhvinskoi iz chastnogo sobraniia. Vystavka 3–23 ianvaria 2022 (Descended from heaven. Icon of the Mother of Tikhvin from a private collection)*. Moscow, Tsentral'nyi muzei drevnerusskogo iskusstva imeni Andreia Rubleva Publ., 2022, pp. 11–42 (in Russian).

Shalina I. A. The miraculous icon of the Mother of God of Tikhvin: dating, attribution, iconography, early history of veneration. *HSE University Journal of Art & Design*, no. 4 (4), 2024, pp. 134–165 (in Russian).

Sorokaty V. M. The icon “The Mother of God of Tikhvin” in the history of Russia in the 16th century. *Chudotvornaia ikona Tikhvinskoi Bogomateri: ikonografia — istoriia — pochitanie. Tezisy dokladov mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (The miraculous icon of the Mother of God of Tikhvin: iconography — history — veneration. Abstracts of reports of the international scientific conference. Sankt-Petersburg — Tikhvin. 24–27 oktiabria 2001 goda)*. St. Petersburg, 2001, pp. 60–62 (in Russian).

Temple R. *Masterpieces of Early Christian Art and Icons*. London, The Temple Gallery Publ., 2005. 88 p.

Tikhomirov M. N. *Rossiiskoe gosudarstvo XV–XVII vekov (The Russian state of the 15th–17th centuries)*. Moscow, Nauka Publ., 1973. 422 p. (in Russian).